

КОГДА ОГОНЬ
ЗОВЁТ СЕРДЦЕ,
А ТЕНЬ ХРАНИТ
ТАЙННУ...

ЕЁ ВЗГЛЯД —
ОБЕЩАНИЕ
И ОПАСНОСТЬ.
ЕГО ВЫБОР —
ЛЮБОВЬ
ИЛИ ЛЕГЕНДА.

ОКСАНА ШАПЕЕВА

КУПАЛЬСКИЙ
ОГОНЬ
И ТЕНЬ РУСАЛКИ

Оксана Шапеева

Купальский огонь и тень русалки

«Автор»

2026

Шапеева О.

Купальский огонь и тень русалки / О. Шапеева — «Автор», 2026

Две седмицы на спасение. Одна ночь на выбор. Огонь, вода и любовь, которая сильнее любого проклятия. Романтическое славянское фэнтези для тех, кто верит, что даже самая тёмная душа заслуживает света. В ночь на Ивана Купала кузнец Егор встречается у озера русалку. Пять лет назад её предали и утопили, и теперь она прикована к глубине проклятием. Она должна топить таких, как он, но она просто плачет. Егор не боится. Он приходит к ней каждую ночь, рассказывает о жизни, согревает своим теплом. И это помогает. Она начинает помнить — как пахнет хлеб, как бьётся сердце, как быть живой. Но на дне ждёт Омутник. Если Егор не совершит важный ритуал за седмицу, то она утонет навсегда. И его любовь утонет вместе с ней. Время на исходе. Справится ли он?

© Шапеева О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Зов	7
Глава 2 Плетение сетей	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Оксана Шапеева

Купальский огонь и тень русалки

Пролог

За пять лет до событий

Вода была тёплой.

Русанна стояла по пояс в озере и смотрела на закат. Солнце садилось за лес, окрашивая небо в розовый и золотой, и вода от этого казалась расплавленным металлом. Она любила это время — когда день умирал и рождалась ночь, когда мир становился тихим, даже таинственным и можно было просто мечтать.

Девушка гладила живот — ещё плоский, но уже хранящий тайну. Он не знал. Русанна не сказала ему. Сегодня она скажет. Сегодня, когда он придёт на берег с цветами, как делал каждую ночь, она скажет: «Игнат, у нас будет ребёнок». И он улыбнётся своей тёплой улыбкой, обнимет её, поцелует в макушку и скажет: «Мы будем самой счастливой семьёй на свете».

Русанна улыбнулась своим мыслям, чувствуя как счастье заполняет всё нутро. Какая же она глупая, но какая же счастливая.

Из-за поворота тропинки показалась фигура. Она узнала его сразу — широкие плечи, лёгкая походка, светлые волосы, которые он вечно сбивал со лба. В руках у него был букет полевых цветов — васильки и ромашки, её любимые.

— Игнат! — крикнула она, махая рукой. — Я здесь!

Парень улыбнулся, но в этой улыбке было что-то странное. Что-то, чего Русанна не заметила сразу, потому что счастье накрыло её густой пеленой. И пелена эта лежала точно морок на глазах. Игнат подошёл к берегу, но не вошёл в воду. Остановился на краю, держа цветы в руке.

— Русанна, — начал он ровным тоном, слишком ровным, — выйди из воды. Нам нужно поговорить.

Она нахмурилась. Что-то кольнуло в груди — холодное, тревожное.

— Что случилось? — спросила она, выходя на берег. Вода стекала по её телу, и она дрожала — не от холода, от странного предчувствия.

Игнат смотрел на неё. И вдруг Русанну ударило осознание. В его глазах не было любви. Не было тепла. Только мраморно холодная пустота. И что-то ещё — что-то, что девушка не могла понять. Стыд? Или что-то похуже?

— Я не могу на тебе жениться, — проговорил он, не сводя глаз.

Слова упали между ними, точно валуны.

— Что? — прошептала она. — Игнат, что ты такое говоришь?

— Я люблю другую, — добавил он, и лёд в голосе показался Русанне таким холодным и далёким, словно это вода в глубоком колодце. — Дочь старосты из соседней деревни. Она богата. С ней у меня будет будущее. А с тобой — он усмехнулся, и в этой усмешке всплывало столько жестокости, сколько она не видела в нём никогда, — с тобой у меня ничего не будет.

Русанна смотрела на любимого, не веря своим ушам. Слово «другая» звучало в её голове, как удар металлического молота. И молот это сейчас дробил на части её хрупкое девичье сердце.

Другая. Он нашёл другую. А она

— Игнат, — проговорила она, и голос её надломился, — я беременна. У нас будет ребёнок. Твой ребёнок.

Парень замер. На мгновение ей показалось, что она увидела на его лице тень — страх, сомнение. Но она исчезла так же быстро, как появилась.

— Мой? — переспросил он, хлестанув её горячим кнутом сомнения так резко, что в груди заныло, будто целая стая волков умирает от истощения. — А ты уверена, что мой?

Русанна пошатнулась, как от пощёчины.

— Как ты можешь — прошептала она.

— Русанна, — Игнат шагнул к ней, и в его глазах роилось что-то страшное, — я не могу рисковать. Никто не должен знать. Ты понимаешь? Никто.

Девушка не понимала. Она смотрела на него и видела незнакомца. Человека, с которым она делила постель, которому доверяла свои тайны, с которым планировала будущее, — и вдруг он стал чужим.

Игнат подошёл ближе, и она увидела, что его руки дрожат. Но не от волнения. От решимости.

— Прости, — прошептал он. И толкнул её.

Вода сомкнулась над её головой внезапно, холодно. Русанна не успела даже вдохнуть — только открыла рот, и вода хлынула внутрь, заполняя лёгкие, заполняя всё. Она билась, пыталась вырваться, но её ноги запутались в водорослях, и тьма сжимала со всех сторон.

Русанна смотрела вверх, сквозь толщу воды, и видела его лицо. Лицо любимого, который предал. Игнат стоял на берегу и смотрел, как она тонет. Не двигался. Не звал на помощь. Просто смотрел.

Она стремительно уходила в глубину. Холод обволакивал тело, и последнее, что она увидела, — силуэт любимого на фоне заката. Игнат стоял, сжимая в руке букет, который принёс ей. Цветы, которые Русанна так любила.

Он бросил их в воду.

И ушёл.

Девушка утонула с открытыми глазами. С горечью во рту. С ненавистью в сердце.

Но смерть не пришла.

Вместо неё из глубины поднялась тьма. Большая, чёрная, с жёлтыми глазами. Она обвила тело Русанны, как змея, вошла в её рот, лёгкие и душу.

«Ты моя теперь, — прохрипел голос, он был сладким и страшным одновременно. — Ты будешь моей наживкой, игрушкой и тенью. Будешь топить таких, как он. И ты будешь помнить. Всегда помнить».

Она хотела кричать, но вода заполнила рот.

Она хотела умереть, но тьма не отпускала.

Она хотела забыть, но вода помнила всё.

И тогда Русанна осталась. На дне. В холоде. В одиночестве.

Навсегда.

Пять лет спустя мальчик, которого Русанна никогда не родила, спросил у своей матери:

— Мама, а почему у озера нельзя купаться?

Мать посмотрела на воду и перекрестилась.

— Там живёт русалка, сынок. Она топит людей.

— А зачем она их топит?

Мать замолчала. Она не знала ответа. Женщина не знала, что русалка когда-то была такой же, как она. Что у неё тоже билось и горело сердце. Что она тоже ждала ребёнка.

Мать не знала, что русалка сидит на дне и плачет. Что она помнит всё и ненавидит себя.

И никто не знал, что скоро к этому озеру придёт парень и сломает проклятие.

Но она понимала одно — вода помнит всё.

И никогда не прощает.

Глава 1. Зов

В ночь на Ивана Купала, когда граница между мирами становится тоньше, чем лезвие ножа, вода помнит всё. И она никогда не прощает.

Костер дышал жаром в лицо, и Егор чувствовал, как пот стекает по вискам, оставляя солёные следы. Он стоял на краю огненного круга, и пламя лизало воздух всего в двух шагах от него. Огонь взлетал к небу рыжими языками, вырывая из темноты лица: смеющиеся, пьяные, разгорячённые. Кто-то тянул песню, кто-то уже упал в траву и храпел, прижав к груди пустую бутылку. Пахло дымом, медовухой и раздавленной мятой — девки бросали её в костер, чтобы приворожить суженых.

Но Егор стоял и чувствовал, что он здесь — чужой.

Ему — двадцать. Он сын кузнеца. Сильный, здоровый парень, на которого заглядываются девки. Но внутри, под рёбрами Егора, сидела какая-то глухая тоска, которую он не мог объяснить. Он жил в Заречье всю жизнь, работал с утра до ночи, помогал отцу, пил с друзьями по праздникам. И всё это было правильно, всё было по-человечески. Но по ночам парень лежал на лавке, смотрел в тёмный потолок и чувствовал, что его жизнь — как пустой амбар. В нём есть стены, крыша, двери. Но внутри — ни зерна, ни тепла. Пустота.

— Егор! Да прыгай ты, трус! — Илья толкнул его в плечо, и парень качнулся вперёд, чуть не упав в огонь. — Три раза прыгнуть надо, чтоб весь год счастливым быть!

— Сам прыгай, — буркнул Егор, но в голосе не было злости. Только непонятная усталость.

Он посмотрел на Илью — лучшего друга, с которым они вместе росли, дрались, крали яблоки из чужих садов. Илья был весёлым, громким, всегда окружённым людьми. Он жил легко, как будто жизнь — это игра. Егору иногда хотелось быть таким же. Но не получалось.

— Айда, — Илья схватил его за рукав, дернул. — Не будь как старый дед! Прыгай, и хватит маяться.

Егор выдохнул. Он посмотрел на огонь, и в глубине пламени ему почудилось что-то — тень, изгиб, лицо. Он моргнул — и видение исчезло.

Он разбежался, перелетел через костёр. Жар хлестнул по ногам, и на мгновение ему показалось, что он летит — свободный, лёгкий, без груза в груди. Искры взвились за спиной бешеными светлячками, он приземлился на траву, поскользнулся на мокрой земле и упал на колени. Девки завизжали от восторга, Илья засвистел. Егор поднялся, отряхивая штаны, и улыбнулся — натянуто, через силу, так, что щёки заболели.

— Видел? — крикнул он другу. — Трижды прыгну, и будь я счастлив.

— Трижды! Трижды! — заорала толпа, и его подхватили, потащили к столу.

Но счастье не пришло.

Егор сидел на траве, сжимая в руке деревянную кружку с медовухой. Напиток был сладким, тягучим, но он не чувствовал вкуса. В горле стоял ком. Слишком душно, слишком шумно, слишком здесь. Он смотрел, как Степанида танцует с девками у костра, как смеётся её лицо, освещённое пламенем. Она была красивой, правильной, доброй. Любой другой на его месте давно бы посваталась к ней. Но Егор смотрел на девушку и чувствовал только пустоту. Потому что в груди не зажигался тот огонь, тот заветный огонь. Чего-то не хватало. Чего-то, что заставляло бы сердце нестись галопом.

Он оглянулся.

За спинами кричащих людей, в темноте, чернела вода. Озеро лежало у подножия холма, гладкое, как зеркало, и в нём отражался костёр. Отражённое пламя дрожало, колыхалось, и казалось, что там, в глубине, тоже горит свой огонь — только холодный, синий, призрачный.

Егор смотрел на эту воду, и вдруг показалось, что она зовёт. Не словами — просто тишиной. Просто тем, что в ней нет шума, нет песен, нет лиц, которые ждут от него что-то.

— Егор, — голос Степаниды вырвал из собственных мыслей. Она села рядом, от неё пахло летом — травами, цветами, тёплым хлебом. — Ты весь день сам не свой. Что с тобой?

Она положила руку ему на плечо. Тёплую, живую. Егор почувствовал её прикосновение, но внутри ничего не шевельнулось.

— Ничего, — ответил он слишком быстро. — Душно. Пойду венки кидать.

— Это девки кидают, — улыбнулась Степанида, но в глазах её мелькнула тревога. — Или ты хочешь узнать, кто за тебя замуж пойдет?

Она шутила, но в голосе слышалась надежда. Егор сделал вид, что не заметил.

— Пойду, — повторил он, вставая.

Он взял со стола венок — сплетённый из ивовых веток и полевых цветов, уже начавших вянуть. Кто-то плёл его и оставил. Но ему было всё равно. Хотелось просто уйти. Спрятаться от шума, от песен, от того, что от него ждали улыбок и веселья.

Егор пошёл к берегу. Медленно. Чувствуя, как каждый шаг отдаляет его от костра, от людей, от привычной жизни. Тропинка вниз оказалась крутой и скользкой. Он спускался, цепляясь за стволы кривых ив, и с каждым шагом шум праздника становился тише. Голоса уходили вверх, оставались над головой, а здесь, у самой воды, расстилалась тишина. Только плеск волн о берег, только шелест ветра в траве.

Он остановился на краю, где песок переходил в глину. Вода казалась чёрной и неподвижной. И отражала не небо, а что-то другое.

Егор заглянул в глубину и вдруг понял, что смотрит не в отражение — он смотрит внутрь. В темноту, которая шевелилась, дышала, ждала. Ему стало холодно, хотя ночь была тёплой. Он поднял венок, чтобы бросить его в воду, и замер.

Из глубины поднимался свет.

Серебряный, живой, он шёл со дна, разгоняя тьму. Егор смотрел, не дыша, как этот свет поднимается всё выше, как в нём проступает силуэт — тонкий, женский, с распущенными волосами, которые струились в воде, словно водоросли.

Её лицо показалось из черноты, и сердце Егора пропустило удар. Не от страха. От того, что он увидел в нём — тоску. Бесконечную, такую огромную, что она, казалось, заполняла собой всё озеро. Девушка смотрела на него, и в её глазах клубилась пустота, но не та, которую он знал. Не пустота одиночества. Пустота потери.

— Здравствуй, — произнесла она.

Голос не шёл изо рта. Он звучал внутри, в груди, в висках — как струна, натянутая до предела.

— Ты — прошептал он. — Ты кто?

Девушка улыбнулась, и в улыбке её горела горечь. Она протянула руку из воды, коснулась венка, который он держал. Её пальцы были тонкими, бледными, почти прозрачными. Она взяла венок, поднесла к лицу, понюхала его, и по щеке скатилась капля — но не воды. Слеза. Настоящая, солёная, человеческая.

— Я забыла, как пахнут цветы, — прошептала девушка. — Так давно Я помню только запах тины и холода.

Егор смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Он хотел спросить, кто она, откуда, почему здесь. Но вместо этого он спросил:

— Ты плачешь? Разве ты можешь плакать?

Она подняла глаза — такие грустные, что у него защемило сердце.

— Русалки не плачут, — заявила девушка. — Но я не всегда была русалкой. Я была человеком, Егор. Так же, как ты.

Он вздрогнул. Она знала его имя. Как она могла знать?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил он, и голос дрогнул.

Русалка улыбнулась, и в этой улыбке было что-то родное, близкое.

— Твоя тень падает на воду каждую ночь, — ответила она. — Я вижу тебя, Егор. Ты ходишь по берегу, смотришь на воду, и в глазах у тебя такая же тоска, как у меня. Ты ищешь что-то. Я знаю, что это такое — искать то, чего нет.

Егор смотрел в её глаза, и вдруг понял, что она говорит правду. Каждую ночь, когда он не мог уснуть, он выходил на крыльцо и смотрел в сторону озера. Он не знал, зачем. Просто его тянуло сюда, как будто что-то звало. И вот теперь Егор стоял перед этим "чем-то", и оно было прекрасным и страшным одновременно.

— Что ты здесь делаешь? — продолжал он. — Почему ты в воде?

Она отвернулась, и её волосы упали вперёд, скрывая лицо.

— Меня звали Русанной, — произнесла она тихо, и в голосе послышалась такая боль, что Егору захотелось шагнуть в воду и обнять. — Пять лет назад, в эту же ночь, меня предали. Тот, кого я любила, толкнул меня в воду. Я утонула, Егор. Я умерла. Но вода не отпустила меня. Она превратила меня в то, что ты видишь. И с тех пор я здесь. Одна. В холоде.

Русалка снова посмотрела на него, и по её щеке скатилась вторая слеза. Егор видел, как она дрожит — не от холода, от отчаяния.

— Я не могу уйти, — прошептала Русанна. — Меня держат. Здесь, на дне, есть Он. Дух озера. Он не отпускает меня. Я — его приманка. Я должна заманивать людей, топить их, отдавать ему души. Я не хочу этого, Егор. Я ненавижу себя за это. Но я не могу послушаться.

Егор смотрел на неё, и внутри него что-то ломалось. Он чувствовал её боль как свою собственную. Он видел себя в её глазах — такого же одинокого, такого же ищущего, такого же запертого в клетке.

— Я помогу тебе, — вдруг заявил Егор.

Она вздрогнула, подняла голову, и в глазах её мелькнул страх.

— Не говори так, — прошептала Русанна. — Он услышит. Он услышит, и тогда он убьёт тебя.

— Мне плевать, — бросил Егор. — Я не боюсь смерти. Я боюсь жить и чувствовать пустоту. А с тобой — он запнулся, подбирая слова, — с тобой я чувствую что-то. Впервые за много лет.

Русалка смотрела на светловолосого парня, и в её глазах медленно зажигалась искра. Слабая, крошечная, но живая.

— Ты глупый, — прошептала она. — Такой же глупый, как я была когда-то.

— Я знаю, — улыбнулся он. — И мне это нравится.

Русанна улыбнулась в ответ, и на мгновение он увидел в ней ту девушку, которой она была когда-то. Живой, тёплой, настоящей.

А потом вода за её спиной всколыхнулась, и он увидел в глубине две жёлтые точки. Они смотрели на него. В них кипела ненависть. И голод. И что-то ещё — странная, горькая зависть.

— Уходи, — прошептала она, и в голосе задрожал ужас. — Уходи, Егор. Он проснулся.

Русалка начала погружаться обратно в воду, но перед тем, как исчезнуть, она протянула руку и коснулась пальцев Егора. Холод обжёг его, как лёд, но он не отдернул руку. Парень смотрел, как лицо Русанны уходит под воду, а в глазах теплится обещание.

«Я приду завтра, — услышал он в своей голове. — Приди и ты. Пожалуйста. Не оставляй меня одну».

И русалка исчезла.

Вода сомкнулась над ней, а поверхность снова стала гладкой, чёрной, пустой. Только веночек остался лежать на волнах, медленно покачиваясь.

Егор стоял на берегу, и его пальцы всё ещё помнили холод прикосновения. Он смотрел в воду, и в груди разгорался огонь. Живой, тёплый, настоящий. Ни на что не похожий до этого.

Он пришёл сюда пустым, но уходил полным.

— Я вернусь, — прошептал Егор в темноту. — Я обещаю.

И пошёл обратно, через березовую рощу, не оглядываясь. Парень не слышал шума праздника, не видел света костра. Он слышал только голос Русанны, который звучал внутри, натянутой струной.

А в глубине озера жёлтые глаза закрылись.

Омутник улыбался.

У него появилась новая игрушка.

Наутро Степанида нашла Егора спящим на крыльце. Он лежал, не укрывшись, и в руке сжимал мокрый ивовый лист. Когда она хотела вытащить его, лист рассыпался в прах.

Степанида перекрестилась и ушла.

Над озером разливался утренний туман.

Глава 2 Плетение сетей

Любовь русалки похожа на паутину. Сначала ты видишь только серебро, потом понимаешь, что опутан по рукам и ногам. А когда пытаешься вырваться — она сжимается вокруг горла. Но самое страшное — ты уже не хочешь вырваться. Ты сам тянешься к ней, как мотылёк к пламени.

Три дня Егор не ходил к озеру.

Он работал в кузнице с утра до ночи, загоня себя до ломоты в руках, до дрожи в коленях, до чёрных кругов перед глазами. Молот падал на раскалённое железо, искры разлетались во все стороны, шипение остывающей воды заглушало мысли. Он бил по металлу так, будто хотел расплющить самого себя, выбить из груди то, что там поселилось.

Но оно не уходило.

Она была везде. В шипении воды, когда он опускал в неё раскалённую подкову. В отблесках огня, которые плясали на стенах. В запахе мокрой травы, доносившемся с улицы. Она жила в нём, под рёбрами, там, где раньше была пустота. Теперь пустота заполнилась ею — и это было страшнее, чем быть пустым.

На четвёртую ночь Егор не выдержал.

Он лежал на лавке, смотрел в потолок и слышал её голос. Тот шёл из темноты за окном, из шума ветра, из его собственного дыхания. Русанна звала его, тоскливым напевом. Звала и сердце кузнеца разрывалось, раскалывалось напополам.

«Егор Егор, ты слышишь меня? Я жду тебя Я одна Мне холодно»

Он встал, оделся и уже взялся за ручку двери, когда услышал за спиной голос отца.

— Егор.

Он замер. Обернулся.

Отец сидел на лавке в темноте, и в руке его тускло блеснул медный крест — тот самый, что висел над дверью. Старый Кузьма смотрел на сына, и в его глазах тяжелела усталость, которую Егор видел уже много лет.

— Ты куда собрался? — спросил отец тихо.

— Никуда. Просто выйду подышать.

— Врёшь. — Кузьма покачал головой. — Ты ходишь к озеру, Егор. Я знаю. Я чувал на тебе запах воды. — Он помолчал, и голос его стал глубже. — Я знаю, что там живёт. Я знаю, кто она. И я знаю, что она делает с такими, как ты.

Егор сжал кулаки. Он хотел солгать, сказать, что это просто роса, что он ходил умываться. Но не смог. Он смотрел в глаза отца — такие же серые, как у него самого, только старше и мудрее.

— Да, — ответил он. — Хожу.

Отец вздохнул и провёл ладонью по лицу, словно снимая вязущую тяжесть. Затем он медленно поднялся, подошёл к сыну и положил тяжёлую руку ему на плечо.

— Ты знаешь, кто она, — произнёс он, скорее, утверждая. В его тоне не было гнева, а лишь глухая тревога за сына. — Ты знаешь, что она не человек. Ты не первый, Егор. Были до тебя парни, которые ходили к той воде. И не все вернулись.

— Я вернусь, — твёрдо заявил Егор.

— Ты так уверен? — голос отца дрогнул. — Ты хоть знаешь, что она тебе шепчет? Ты слышишь её голос по ночам? Она зовёт тебя?

Егор молчал. Он не мог сказать отцу, что она не просто зовёт. Что она плачет. Что в её голосе такая боль, которую он ощущает как свою собственную. Что он готов утонуть, лишь бы вытащить её из этой тьмы. Лишь бы унять её боль.

— Молчишь, — продолжил отец с тоской во взгляде. — Значит, всё серьёзно. — Он убрал руку, повернулся и пошёл обратно к лавке. — Ты мой сын, Егор. И я люблю тебя. Но если ты пойдёшь к ней — ты пойдёшь один. Я не смогу тебя спасти. Никто не сможет.

Егор посмотрел на отца. На его сгорбленную спину, на седые волосы, на руки, которые держали крест. Он хотел сказать что-то тёплое, успокоить. Но вместо этого он повернулся и вышел в ночь. Та, нить, что протянулась между ним и Русанной настолько крепко вросла в его сердце, что даже родному отцу не по силам вырвать её.

Дверь за ним закрылась с тихим стуком, знаменуя тем самым черту, за которую Егор переступил и теперь возврата нет.

Он бежал к озеру. Не шёл — бежал, срывая дыхание, чувствуя, как холодный воздух режет лёгкие. Луна висела над лесом полная и яркая, как молчаливый свидетель того, что он вопреки всему потянулся к запретному и опасному. Берёзовая роща встретила его тишиной. Обычно здесь ночью кричали беспокойные совы, трещали сверчки, шуршали лесные мыши. Но сейчас будто само время умерло. Ни звука. Только его шаги — быстрые, тяжёлые, отдающиеся в груди. И шёпот. Её тихий голос слышался повсюду — в ветре, в траве, в его собственной крови.

«Ты пришёл Я знала, что ты придёшь Я ждала тебя»

Егор выскочил на берег и замер.

Русанна сидела на Камне-слезе — огромном валуне, поросшем болотным мхом, что нависал над водой. В лунном свете он казался серебряным, мокрым, как спина огромного безликого зверя. Русалка сидела на нём, и он впервые видел её полностью. Не только лицо, выплывающее из воды. Всю.

Босая, в длинной белой рубашке, влажной и липнувшей к телу. Волосы её — длинные, русые, с запутанными в локонах водорослями — струились по плечам и падали на камень. В них сияли светлячки, живые, крохотные, и они горели, как маленькие звёзды волосах, пойманные не нарочно. Её бледная кожа, казалась почти прозрачной, а сквозь неё проступали голубые вены. Русанна была холодной, как вода, как лёд, как сама смерть.

Но глаза русалки виделись тёплыми.

Они неотрывно смотрели на Егора, и в них горела надежда. Слабая, робкая, как свеча на ветру, но она была. Русанна глядела на кузнеца, и от этого пронзительного взгляда под светом луны в груди его разливалось необъяснимый жар. Егор знал, что русалка опасна. Знал, что она может убить его. Но в этот момент ему было всё равно.

— Ты пришёл, — произнесла Русанна без капли удивления. В голосе звенела одна благодарность, но такая глубокая, что в груди Егора снова что-то дёрнулось и разлилось озёрной водой.

— Я не мог не прийти, — выдохнул Егор.

Кузнец сделал шаг вперёд, почти в воду, но Русанна резко вскинула руку, и он остановился.

— Стой. Не входи. Пожалуйста.

— Почему? — удивился он, и голос чуть надломился.

— Потому что я не хочу тебя губить, — прошептала русалка. — Вода обманет тебя. Она сделает так, что ты захочешь утонуть. А я — она сжала руки в кулаки, и по её пальцам пробежала дрожь, — я не смогу остановиться. Если ты войдёшь в воду, я потеряю себя. Я стану той, кем он меня сделал. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой.

Егор опустился на колени на берегу, чтобы быть ближе к ней. Трава была мокрой, холодной, но замечал лишь Русанну, глядя на неё в упор, не боясь, не отворачиваясь. Егор хотел запомнить каждую чёрточку её лица. Каждый чувственный изгиб губ, каждую тень под глазами.

— Я не боюсь тебя, — заявил он. — Я не боюсь того, что ты можешь сделать. Ты не виновата в том, что с тобой случилось.

Русанна подняла голову, и слёзы блеснули на её щеках. Настоящие, человеческие, которые не смешивались с водой.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она. — Ты даже не знаешь, что я сделала.

— Расскажи мне, — попросил он.

Она молчала долго. Светлячки в её волосах гасли и зажигались снова, словно дышали. Она смотрела на озеро, в его чёрную глубину, и вдруг начала говорить.

— Когда я только стала русалкой, я не понимала, что происходит. Я помнила, что я — человек. Но моё тело не слушалось. Меня тянуло к воде, я не могла дышать на суше. Я просыпалась на дне, и мне казалось, что я умерла и попала в ад. — Она сглотнула, сдерживая дрожь.

— А потом пришёл первый парень. Его звали Степан. Он был из Рыбацкой, с той стороны озера. Парень увидел меня на этом камне и влюбился. Он приходил каждую ночь, приносил цветы, говорил, что я самая красивая девушка, которую он видел. Я чувствовала, что Степан любит меня. И это чувство было таким тёплым и светлым. Это заставило меня поверить, что могу стать человеком.

Русанна замолчала, и по её лицу снова скатилась слеза — холодная, как капля росы.

— А потом я утопила его, — прошептала она. — Я не хотела. Я пыталась сопротивляться, но Омутник сильнее. Он забрал мою душу, и чувствовала одно - как мои руки сжимаются на шее Степана. Он смотрел на меня с любовью, Егор. Он не верил, что я могу причинить ему боль. До самого конца не верил и глядел на меня. А когда его душа ушла, я очнулась. Я лежала на дне, рядом с его телом. Я выла, как зверь, царапала себе лицо и хотела умереть. Но я уже была мертва.

Русанна посмотрела на Егора с полным ужасом во взгляде — не перед Омутником, перед собой.

— Вторым был Андрей. Он смеялся залиvisto, когда я его звала. Думал, что шучу. Он не боялся, пока не понял, что тонет. Он звал на помощь и даже плакал. А я смотрела, как он уходит под воду, и ничего не могла сделать. — Русанна сжала голову руками. — Я — убийца, Егор. Я не имею права быть счастливой. Не имею права на любовь.

Егор слушал, и в груди его разливалась горечь за русалку. Он не отводил глаз, не боялся её слов или приворота, даже не думал отворачиваться. Егор смотрел на Русанну и видел не чудовище, не убийцу. Он видел девочку, которую предали, которую сломали, которую заставили делать то, что она ненавидела.

— Посмотри на меня, — произнёс он тихо.

Русалка подняла голову, и он увидел в её светлых глазах страх. Не перед ним — перед тем, что он скажет. Перед тем, что он отвернётся.

— Ты не чудовище, — заявил он. — Ты — пленница. Ты была пленницей с того самого момента, как он толкнул тебя в воду. Ты не хотела убивать, ты боролась, ты страдала. И это делает тебя человеком, Русанна. Настоящим человеком. Понимаешь?

Русалка глядела на него, и в её глазах снова загоралась искра — крошечная, слабая, но живая.

— Ты правда так думаешь? — прошептала она.

— Я знаю это, — сказал он.

Она медленно сползла с камня и шагнула к нему. Остановилась на самом краю воды, и он видел, как она дрожит. От холода, от страха, от надежды.

Русанна протянула руку, и Егор взял её. Холод обжёг его, пронзил ладонь, добрался до самого сердца. Но он не отпустил, держал её, чувствуя, как тонкие пальцы Русанны сжимаются в ответ. Егор чувствовал её страх. Страх того, что он отвернётся и уйдёт.

— Я верну тебя, — произнёс он. — Найду способ.

Русанна подняла на него глаза, до краёв наполненные надеждой. Той самой, которую он хотел в ней разбудить.

— Есть один способ, — прошептала она. — Но он почти невозможен.

— Говори.

— В Купальскую ночь и две седмицы после, когда граница между мирами открыта, нужно бросить в огонь вещь, которая принадлежала мне до того, как я стала русалкой. Если кто-то сделает это по своей воле, из любви, я снова стану человеком. Ведь моя душа не пересекла границу, она была украдена. А значит, есть шанс вернуть её.

— Я сделаю это, — твёрдо и уверенно произнёс Егор.

— Ты не знаешь, где эта вещь, — покачала она головой. — Я не помню. Мои воспоминания тают, как утренний туман. Я помню лицо того, кто меня предал, помню запах травы,

помню, как пахнет свежий хлеб. Но вещи — она сжала виски, пытаюсь вспомнить. — Я не помню. Я знаю только, что она есть где-то. В деревне. Или в воде. Но где — я не могу сказать.

Егор сжал её руку сильнее.

— Я найду, — повторил он. — Я буду искать, пока не найду. Я вытащу тебя отсюда.

Клянусь.

Благодарность словно море разлилась и блеснула в её взгляде. Егор заметил это, почувствовал, будто это самое море коснулось и его сердца.

— Зачем тебе это? — вдруг спросила она. — Я для тебя никто. Я — чудовище, которое может тебя убить.

— Ты не чудовище, — ответил он. — Ты просто запуталась. И я помогу тебе найти дорогу домой.

Она улыбнулась — впервые светло, без боли, без слёз. И он понял, что сделает всё, чтобы эта улыбка осталась на её лице.

— Мне пора, — сказала она, оглядываясь на озеро. — Он почувствует, что я слишком долго на берегу. Он будет злиться.

— Я приду завтра.

— Не надо, — прошептала она. — Он тебя заметит. Он уже чувствует тебя.

— Мне плевать. Я приду.

Русанна посмотрела на него долгим взглядом. В полном молчании. А потом шагнула назад, в воду. Егор видел, как она погружается, как волосы её плывут по поверхности, как светлячки гаснут один за другим. Но перед тем, как исчезнуть совсем, она коснулась его руки в последний раз.

— Спасибо, — прошептала русалка. — Спасибо, что не отвернулся.

И она ушла в глубину.

Но Егор не ушёл. Он сидел на берегу и смотрел на ровную гладь воды, пока луна не скрылась за облаками. Он чувствовал на своей коже её холод — он остался на его ладони, на его груди, в его сердце. Кузнец не хотел уходить. Ноги не слушались, словно вросли в берег. Егор хотел остаться здесь, с ней, даже если она далеко, даже если она в темноте.

И вдруг он почувствовал — вода перед ним колыхнулась, расходясь кругами. Русанна вынырнула снова. Её лицо было бледным, как лунный свет.

— Ты ещё здесь, — прошептала она. — Я думала, ты ушёл.

— Я не могу уйти. Не могу оставить тебя одну.

Она смотрела на него, и в её глазах клубились тоска и боль размером с это самое озеро. Егор ощущал их так отчётливо, словно это именно на нём лежит проклятие.

Русанна вышла из реки и села рядом на траву. Звёздное небо казалось необъятным молчаливым покрывалом, которое успокаивало и дарило странное единение. Она коснулась его плеча своей мокрой рукой, и Егор не отстранился. Так они и сидели, наблюдая, как приближается рассвет, как ночь медленно догорает.

— Ты как огонь, — прошептала она, ощущая, как его тепло касается не кожи даже, а самой души. — Кажется, мой единственный огонь... Без тебя я погибну

— Я не позволю, — произнёс он так же тихо. — Я буду гореть для тебя вечно. За нас двоих.

Она повернула голову и взгляделась в его серьёзное лицо. В глазах Егора теплилось то самое чувство, от которого перехватывало дыхание и сердце несло галопом, не сбавляя темп.

— Я никогда не думала, что мне будет вот так хорошо... Знаешь, просто сидеть, наблюдать, как ночь уходит. Просто быть рядом. Кажется, я начинаю вспоминать запахи

Русанна улыбнулась и легла на траву. Звёзды тускнели, а на горизонте начинала появляться светлая полоса. Егор лёг рядом, мягко сжав руку Русанны.

А в глубине озера жёлтые глаза закрылись. Омутник не спал. Он ждал. И он знал — эта связь, это тепло, эта любовь сделают её сильнее. И тогда он нанесёт удар.

Но пока Егор и Русанна лежали на траве и глядели на светлеющие звёзды. Они не знали о том, что ждёт их впереди. Не хотелось думать о будущем. Было только настоящее и чувство безграничной наполненности, правильности. Чувство, которое дарило надежду. И этого было достаточно.

Наутро, когда солнце уже взошло, Егор проснулся оттого, что кто-то гладил его по лицу. Он распахнул глаза и увидел Русанну. Она сидела рядом, и в руках её был цветок — белая ромашка, которую она сорвала с поля.

— Я помню, как они пахнут, — улыбнулась она. — Я помню всё. Вчерашняя ночь вернула мне память. Я помню, как пахнет утро. Как пахнет трава. Как пахнешь ты.

Егор улыбнулся и провёл кончиками пальцев по её бледной коже, убрал высохшую прядь волос. Они почти не пахли тиной, как вчера. А взгляд источал свет. И не было слёз.

— Доброе утро, — бархатисто прошептал он.

— Доброе утро, — ответила Русанна и снова просияла.

И в её улыбке теплилось больше жизни, чем во всех её пяти годах под водой. Но потом она посмотрела на озеро и замерла.

— Мне пора. Он зовёт меня. Он знает, что я была с тобой. И злится.

Русанна помрачнела.

— Не уходи, — попросил Егор, хватая её за руку.

— Я должна. Но я вернусь. Сегодня ночью. Обещаю.

Русанна шагнула в воду, но перед тем, как уйти, она обернулась и еле слышно произнесла:

— Егор, я чувствую себя живой. Благодаря тебе. Спасибо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.